

УНИВЕРСИТЕТ ВЪРХНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова

*Под редакцией
М. М. Казанского и А. В. Мастыковой*

Библиотека

КИШИНЕВ
2022

Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!

«Беовульф»

902/904(092)(082)

Д 762

Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»

Редакция *Stratum plus* выражает благодарность Институту Археологии РАН
за поддержку издания сборника, посвященного памяти О.В. Шарова

Составители и ответственные редакторы:
доктор хабилитат археологии М. М. Казанский
доктор исторических наук А. В. Мастыкова

Редколлегия:
кандидат исторических наук А. В. Энговатова
доктор исторических наук И. Л. Тихонов
доктор истории М. Е. Ткачук
доктор истории Р. А. Рабинович
доктор истории Л. А. Мосионжник
доктор истории Д. А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова = The footsteps of my friends leaving ... Ad memoriam Oleg Sharov / Ун-т Высшая антропологическая школа ; сост. и отв. ред.: М. М. Казанский, А. В. Мастыкова. – Кишинэу : Stratum Plus, 2022 (F.E.-P. "Tipografia Centrală") – 346 p. : fig., fot., tab. – (Библиотека "Stratum" = Library "Stratum", ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 100 ex.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF).

902/904(092)(082)

Д 762

Сборник научных работ посвящён памяти Олега Васильевича Шарова — известного археолога, специалиста по древностям римского времени юга Восточной Европы. В книгу включены воспоминания о О.В. Шарове, его неопубликованные работы, а также статьи коллег.

Тематика публикуемых материалов широка, но соответствует научным интересам О.В. Шарова. Это исследования по бронзовому и раннежелезному веку, античности и эпохе Великого переселения народов.

Редакторы выражают надежду, что книга будет интересна читателям, интересующимся древней историей: археологам, историкам, преподавателям вузов и школ, студентам и старшеклассникам.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF)

© М. М. Казанский, А. В. Мастыкова, 2022.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" P. P.

© Обложка: Д. А. Топал, 2022.

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник

Редактор карт: Л. А. Мосионжник

Корректор: С. Н. Разумов

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

THE FOOTSTEPS OF MY FRIENDS LEAVING ... AD MEMORIAM OLEG SHAROV

*Edited by
Michel Kazanski and Anna Mastykova*

KISHINEV
2022

Памяти
Олега Васильевича Шарова
посвящается

In memory of Oleg Sharov

СОДЕРЖАНИЕ

М.Е. Ткачук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Мой друг — Олег Шаров	11
А.В. Энговатова (<i>Москва, Россия</i>). О.В. Шаров в Институте археологии РАН	15

ПАМЯТЬ

Г.В. Шарова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Про Олега	19
Е.Ю. Гиря (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Черты к портрету археолога нашего времени	29
И.Л. Тихонов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Полевые сезоны Олега Шарова . .	35
М.Ю. Афанасьев (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Осененные «Фарном»	45
Фотоальбом	49

НАСЛЕДИЕ

О.В. Шаров (†). Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму . . .	71
О.В. Шаров (†), Д.А. Костромичев (<i>Севастополь, Крым</i>), Н.Ю. Новоселова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Катакомба 23/1891 из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года	87

HOMMAGE

А.В. Энговатова, Х.Х. Мустафин, И.Э. Альборова (<i>Москва, Россия</i>), А.А. Канапин, А.А. Самсонова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), М.Б. Медникова (<i>Москва, Россия</i>). Новые данные по фатьяновской культуре: анализ древней ДНК в погребениях Волосово-Даниловского могильника	115
К.В. Чугунов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Парадигма М.Б. Щукина и О.В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы	129
Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко (<i>Краснодар, Россия</i>). Меотское погребение с «очковидными» псалиями	143
А.М. Обломский (<i>Москва, Россия</i>). Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н.э. — II в. н.э. . . .	153

А. И. Дробушевский (Санкт-Петербург, Россия). Зарубинецкая культура и бастарны	171
П. В. Шувалов (Санкт-Петербург, Россия). Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе	191
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.)	221
М. М. Казанский (Париж, Франция), А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур и этнонимов письменных источников	235
Я. Е. Беспальчикова (Санкт-Петербург, Россия). Готский шаманизм как исследовательская проблема	247
М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш	253
Б. В. Магомедов (Киев, Украина). Гребни черняховской культуры: магическая функция	281
Э. Иштванович (Ньиредьхаза, Венгрия), В. Кульчар (Сегед, Венгрия), А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда	295
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Склеп 197 раннего горизонта могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму	323
Ж. Пинар Жиль (Градец-Кралове, Чехия). Служебные инсигнии, дипломатические подарки и предметы моды: на некоторых фибулах V века в Адриатико-Альпийском регионе (на англ. яз.).	335
Список сокращений	345

C O N T E N T S

M. E. Tkachuk (*Kishinev, Moldova*). **My Friend Oleg Sharov** 11

A. V. Engovatova (*Moscow, Russian Federation*). **O. V. Sharov in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences** 15

M E M O R Y

G. V. Sharova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **About Oleg** 19

E. Yu. Giryа (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **A few details to the portrait of a modern archaeologist** 29

I. L. Tikhonov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Field seasons of Oleg Sharov** 35

M. Yu. Afanasjew (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Overshadowed by “Farn”** 45

Album of Photos 49

H E R I T A G E

O. V. Sharov (†). **Hieratic Complex Taraktash in the Eastern Crimea** 71

O. V. Sharov (†), **D. A. Kostromichyov** (*Sevastopol, Crimea*), **N. Yu. Novoselova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Crypt 23/1891 from the Archaeological Excavations Led by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich: new studies in 2020** . . . 87

H O M M A G E

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Al’borova (*Moscow, Russian Federation*), **A. A. Kanapin, A. A. Samsonova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **M. B. Mednikova** (*Moscow, Russian Federation*). **New Data on the Fatyanovo Culture: Analysis of Ancient DNA in the Burials of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground** 115

K. V. Chugunov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Paradigm of M. B. Schukin and O. V. Sharov — the Experience of Using It in the Chronology of Complexes of the Early Scythian Time in Tuva** 129

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko (*Krasnodar, Russian Federation*). **Maeotian Burial with the “Eye-glass”-shaped Cheek-pieces** 143

A. M. Oblomskiy (*Moscow, Russian Federation*). **The Complex of Settlements of the Late Scythian Culture near Village Staevo in the Upper Reaches of the Voronezh River in the 2nd Century BC — 2nd Century AD** 153

A. I. Drobushovski (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Zarubintsy Culture and Bastarnae	171
P. V. Shuvalov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). One Boudini Beaver for a Celtic Grivna? On the Question of the Prehistory of Commercial Hunting and Fur Trade in Eastern Europe	191
V. V. Priymak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Burials of the Sarmatian Time of the Upper Sula and Upper Psel Basins (Beginning of the 1st Millennium AD)	221
M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>), A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Aestii and Germans in Roman Period. On the Relationship of Archaeological Cultures and Ethnonyms from Written Sources	235
Ya. E. Bespalchikova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Gothic Shamanism as a Scholarly Issue	247
M. V. Lyubichev (<i>Kharkiv, Ukraine</i>), E. Schultze (<i>Berlin, Germany</i>). Multiple Burials in the Cemeteries of the Chernyakhov-Sântana de Mureş Culture . .	253
B. V. Magomedov (<i>Kyiv, Ukraine</i>). Combs of the Chernyakhov Culture: Magical Function	281
E. Istvánovits (<i>Nyíregyháza, Hungary</i>), V Kulcsár (<i>Szeged, Hungary</i>), A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Brooches in the Costume of the Sarmatian Age Population in the Crimean Piedmont and the Great Hungarian Plain . .	295
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Vault 197 beyond the Horizon of the Cemetery near the Village Luchistoe in the Southwest of the Crimea	323
J. Pinar Gil (<i>Hradec Králové, Czech Republic</i>). Office insignia, diplomatic gifts and fashion items: on some 5th century brooches in the Adriatic-Alpine area . .	335
Abbreviations	345

Г. В. Шарова

Про Олега

Очень странно — создать файл «про Олега». Думала, что за полгода понимание, что его нет, пришло, но это не так... Надо написать, как получится сейчас. Уверена, что через некоторое время совсем другое захочется сказать, но будет ли такая возможность... Надеюсь, что воспоминания о нем еще всплывут и будут написаны и теми, кто по разным причинам не смог сейчас. И если их напечатают в будущем, возможно, тогда мы увидим и удивимся, каким он был «на самом деле».

Про него — все на контрасте: разный и цельный одновременно. Граней будет столько, сколько людей, которые его помнят и любят, или не любят, но точно помнят. И поэтому, чтобы получить реальное представление об Олеге, надо спросить ну очень многих людей. Каждый расскажет то, о чем другие не догадываются. Свое постоянное изумление «а что — так можно??!» — я помню отчетливо.

Встречаться и знакомиться он любил, дружил быстро и легко, расставался бурно, но не навсегда. Он нуждался в людях, в большом количестве людей, а они — в нем. Игнорировать эту потребность и отжимать свое было невозможно. У нас много и часто бывали люди. Человека он увлекал в воронку потока речи, чувств, движения мысли, да и тела, если на ходу.

Помню такой динамичный сон, времен маленькой Ани. Ночью мы идем по берегу залива: Олег впереди метра на 2—3 (он по молодости всегда с нами так ходил, не рядом), за ним, увязая в песке, я с трехлетней Анюшей и его бабушка Дуня из Йошкар-Олы. Далеко впереди цепочка ярких огней по берегу. Мы не поспеваем за ним, бабушка ругается: «Да чтоб этому Эрмитажу провалиться, ребенок-то как...!». Ага, ясно, мы идем туда!

Эрмитаж

Он долго верил, что станет научным сотрудником Эрмитажа, и это будет признаком достижения профессиональной зрелости и признания. Потом ушла не без сожаления фантазия о письменном столе с видом на Петропавловскую крепость. Пришло понимание своей настоящей профессиональной состоятельности, которая всегда внутри и в бескрайнем археологическом поле, его настоящей стихии. А в годы нашей жизни это переживалось болезненно, от надежды до отчаяния. Думаю, его жизнь действительно может быть хрестоматийным примером того, как можно состояться, благодаря и вопреки всему, в деле, которое ты выбрал или которое выбрало тебя.

Для любой структуры и иерархии Олег был довольно хаотичным элементом. При этом скрупулезность, с которой он работал, была связана с большой внутренней организованностью и порядком. Становясь начальником, он оставался неформальным, как для своих сотрудников, так и для вышестоящих. С ним дружили и те, и другие, его уважали за его достоинства: верности, ума, надежности, энергии, юмора. Любой чувствовал его силу влияния на людей.

По молодости Олег упорно доказывал свою правоту, долго, иногда и гневно. Часто люди сдавались, устав сопротивляться. Напор ломал все преграды. Для семейной жизни это было нелегко. Он всегда хорошо знал, чего хочет, и делал это. Было много трудных лет, он честно и много работал и становился постепенно тем, кем стал, набирал свою профессиональную мощь, и формировался как ученый.

Сначала после расставания была только усталость и боль. Радость, которая тоже была, постепенно проступала, с годами. И, слава Богу, продолжает проступать и сей-

час, когда его не стало, а внутри так много памяти: доброй и злой, очень смешной и горькой, очень живой памяти, как сам человек. По факту, очень масштабный человек, успевший всколыхнуть эту жизнь по полной.

«Шаров»

Друзья часто называли не по имени, а «Шаров», немного с юмором, немного оценочно отстраненно, как бы предполагая «ну это же Шаров...». И сразу чувство в ответ возникало: то смешно, то грустно, то злость и что-то теплое трогательное при этом, будто — «ну да, Шаров, а что вы хотите...». Это, конечно, не к Олегу-ученому относилось, а к Олегу-человеку в отношении к чему-то или кому-то. «Шаров» будет долго отзываться внутри у тех, кто его знал, вызывать живые чувства, потому что человек состоялся. Был!

Олега нельзя было присвоить. Он — это люди. Очень дороги были те, кто ездил с ним постоянно и делил тяготы и радости полевых будней: МихМих, Гена и Аня Ивановы, Сергей Дмитриев, Миша Афанасьев, Людмила Соколова, Света Островик, Сергей и Володя Смирновы и другие, не все из них археологи, но все — друзья. Для многих не так важна была археология, мне кажется, как важен был сам Олег и экспедиционная жизнь. Здесь очень хочется, но невозможно перечислить всех его любимых друзей, которые были частью его жизни.

Ценил, конечно, он научный круг, в котором развивалась и оттачивалась мысль ученого, и глубоко уважал с юности такое общение, его искал и с благодарностью хранил. Счастье, что Олег встретил Марка Борисовича и нашел в нем и учителя и дорогого для себя человека. Коллеги и ровесники археологи Марк Ткачук, Игорь Бажан, Оля Щеглова, Володя Еременко, Андрей Мултанен, Володя Бейлегчи, Женя Горховский и, конечно, все однокурсники часто бывали у нас, их ночные увлеченные разговоры хорошо помню. Жизнь прямо плескалась через край, когда ее наполняло такое общение. На его научное становление большое влияние имел Михаил Казанский и тот круг зарубежных коллег, который стал доступен ему, благодаря Марку и Михаилу. Он мечтал познакомиться с зарубежными коллегами, занимаясь его темой, работать непосредственно с материалом в музеях Европы, и постепенно многое становилось все доступней. А еще он был везунчик! Как-то раз Олег проспал самолет в Париж. Это были 90-е годы — нищета и отсутствие всяческих возможностей. Сказать, что это было отчаянье, — мало, был шок.

Соседка тетя Зоя, увидев его на кухне в таком состоянии, дала ему номер своего всемогущего зятя, к которому никогда сама не обращалась с просьбами. Через полчаса, ему был дан четкий план действий в аэропорту, и в Париже Олег оказался. К счастью это было единственное обращение за такой помощью.

Приезжая домой, он радовался, обязательно раздавал подарки, вечер рассказывал взахлеб, наутро брал свой кофр и на этом часто все наши планы и мечты о том, что мы будем все вместе делать, заканчивались. Сейчас-то понятно, сколько людей его ждали, со всеми надо было успеть встретиться, «посидеть», поддержать отношения и двинуть дальше главные темы жизни. А тогда — поди-объясни это себе и детям... С годами Олег многое переоценил, наверное, созрел больше для младшего сына. Но тогда это было невозможно. Тогда любил он песню Матвеевой про след от гвоздя, и все мне ее включал. Иначе это был бы не он. Про семью была такая идея, что нужно быстро что-то сделать, чтобы мы могли лучше дальше жить сами. Если он не мог сделать лучше глобально, то что-нибудь все равно старался успеть. И все были довольны, потому что он был доволен. Вопрос по телефону обычно звучал: «Ну у вас как, все хорошо?» На это невозможно ответить, что не совсем. Дальше все равно будет: «Ну слава богу!» Так что у нас все было хорошо! Да нет, он, конечно, переживал за нас, просто часто сделать ничего не мог.

К счастью для этого брака меня воспитали по-советски, что общественное важнее личного. К Олегу приходилось относиться как к общественному достоянию. Однажды в начале 90-х к нам, еще в коммуналку на Обуховской Обороны, пришел американец Маршалл Розенберг, создатель направления ненасильственной коммуникации, у которого я в то время училась. Через полчаса общения, он, почувствовав характер Олега, сказал мне очень серьезно: «Если хочешь жить с ним долго, никогда не пытайся отговорить его делать то, что он хочет». Уж я не стала ему рассказывать, что за полчаса до его прихода Олег решил вымыть подъезд, и отговорить его я не смогла, он считал, что это как-то сгладит впечатления гостя. Мне было понятно, что с Олегом возможны только просьбы и терпение, я и сама такая. Но для меня дети были очень важны, и время на них всегда было вне очереди. На мой упрек Олег отреагировал как-то: «Одна моя минута, проведенная с детьми, равноценна твоему месяцу, при том, что мне ничего делать для этого не надо!» Сама я росла без отца и радовалась, что у моих ребят он был. Возможно так

и было, дети его искренне любили, мне это было важно. А он чувствовал себя человеком масштаба и значения. Тоже здорово.

Чуть-чуть про детство

Про своего отца Олег рассказывал, что, когда он был маленький, Василий Петрович часто брал его в лес, и они много ходили, но он не справлялся с такой нагрузкой. В какой-то момент у него очень заболели ноги, и он отказался ходить. Положили в больницу, потом в санаторий. Вылечили, но этим он объяснял свою особенную походку и вечно стоптанные на одну сторону ботинки. К отцу Олег относился с уважением за его честность и знания, сетовал на его скромность, говорил, что она помешала ему реализоваться в карьере. Он был сначала преподавателем в техникуме, где познакомился с мамой Олега, Ириной Николаевной. А потом — наладчиком какой-то сложной техники, ездил по командировкам, иногда его вызывали на Байконур. Был он сдержанным человеком, не хвалил, не передавал особо своих умений. Но явно передал свое серьезное отношение к работе. Олег все свободное время предпочитал читать. Учился хорошо и рано понял, что уедет из Йошкар-Олы в большой город.

Родители много и долго помогали ему. Олег очень любил бабушку Дуню, маму отца, скучал по ней, она его много нянчила в детстве, характер у нее был сильный, непростой, но она была прямой, честной и доброй. Над ее кроватью висел портрет деда Петра в буденовке, он воевал в Гражданскую. Бабушка поднимала сыновей одна, потом помогала всем с внуками. Мама Олега, Ирина Николаевна, ухаживала за ней в старости, как и за своей мамой, бабушкой Натальей. К ней мы тоже ездили на Вятку в деревню Коврово. Я очень запомнила это путешествие из Йошкар-Олы через Яранск, Котельнич, со штурмом автобуса, с деревянными тротуарами, вид с высокого берега Вятки на реку и на лог, по которому зимой по рассказам Олега, к дому подходили волки. И очень маленького роста старенькую бабушку Наташу, управлявшуюся самостоятельно с огромным домом, где выросло когда-то много детей и внуков. Дедушку Николая я уже не застала. В семье Олега соблюдалась традиция поминания родных. Он придавал значение походу на кладбище, ухаживал за могилами, вспоминал, участвовал в застольях памяти ушедшего близкого. На кладбище он убирал сразу не только ту могилу, ради которой пришли, но и соседние, если видел, что они заброшены. Меня это очень трогало. У нас в семье

не было такого трепетного отношения к захоронениям.

Появление в Ленинграде

В Ленинграде Олег жил сначала у дальней родственницы, старушки Веры Давыдовны, недалеко от Никольского собора, где она служила. Олег, мне помнится, называл ее тоже бабушкой, ему очень нравился ее живой характер и активный в старости образ жизни. А ее сын — отец Вячеслав — был священником, настоятелем храма святой Екатерины великомученицы в поселке Динамо под Павловском. Отец Вячеслав возил Олега в первый год его жизни в Ленинграде в Троице-Сергиеву Лавру, знакомил там с церковной и монастырской жизнью, говорил с ним о поступлении в Духовную Академию. Олег обдумал и отказался, не почувствовав в себе настоящей веры, а частичные знания о церковной службе у него тогда появились. Поступил он сначала в Ленинградский Политехнический институт, который тоже оказался совсем не его, и потом — в столярное училище. Окончил его, но не работал совсем по этой специальности. Сразу стал поступать в университет на истфак. Зато книжные полки до потолка, когда переехал к нам, сделал сам.

Какое-то время он снимал комнату в квартире в Купчино, там подружился с Андреем Виноградовым, писавшим песни. Некоторые посвящены были Олегу и вошли в его репертуар, особенно «Как всегда наша дружба верна и крепка... Так терпенье ж, товарищ, терпенье...».

Немного о двух экспедициях

Мы познакомились в Днепровской Левобережной экспедиции в 1981 году. После внезапной смерти Евгения Горюнова летом срочно собирала народ в его экспедицию Галя Романова, ей помогал Игорь Бажан. Благодаря им в тот год экспедиция состоялась, копали средневековые славянские памятники, был найден клад. Жили мы в деревне Деркачовка Сумской области на берегу реки Терн. Там я увидела, что такое майдан. Олег пел Никитиных и много кого еще. Отличных певцов в той экспедиции было много, каждый в своем стиле и особым репертуаром. Олег больше всего любил Окуджаву, Бачурина, Дольского, Никитиных, Суханова. Много ярких молодых ребят и Галя, не давшая своим авторитетом начальника. Игорь Бажан сколько-то выполнял функцию «построения», но сейчас кажется, что это не требовалось, так как всем было

и весело, и очень интересно вместе работать всерьез.

Симпатии у нас с Олегом были там у каждого свои. Но нас поставили в паре дежурить. Не могу сказать, что мы сразу подружились, скорее наоборот — не понравились друг другу. Слаженности не было никакой, сплошные подколки, споры..., я уже собиралась попросить поменяться с кем-то. Но вдруг Олег зовет меня с таинственным видом в хозяйственную палатку и предлагает банку казенной сгущенки разесть на двоих. Я в потрясении от такого заманчивого, но аморального предложения, застываю, но ненадолго. И вот — да! Правильный Шаров и я — сама святость (в собственных глазах) — съели банку ворованной сгущенки и не поперхнулись. С этого момента, стали чувствовать себя соучастниками, споры прекратились, сблизилась на грехе. Страшно стыдно даже сейчас писать, никогда никому, кроме детей, не рассказывала. Потом я узнала, как он любит сладкое: мама ему присылала с проводниками банки клубничного и малинового варенья, а сгущенка — это был деликатес!

Были мы потом и снова в Левобережной в Будках, и в Керчи, и в Херсонесе, и в Алуште, про эти экспедиции многие говорят, но есть одна, про которую никто не вспоминает. Летом, наверное, 1983 года Олег с однокурсником Андреем Мултаненом собрались в экспедицию в Белгород-Днестровский, копать древнюю Тиру. Руководил ею античник И. Б. Клейман из Одесского археологического музея. Захватили и меня с собой. Это была для меня, наверное, самая красивая экспедиция, наряду с Херсонесом. Жили прямо на территории крепости, внизу лиман, там же, за стеной и раскопы. Первые ночи ночевали в генуэзской башне, под звездами, потом переселились в палатки, чтобы не провалиться сквозь дыры в перекрытиях. Ребятам было невероятно интересно из-за разнообразия материала, античного и средневекового, очень много исторических хозяев было у этого места. Им довольно быстро поручили руководить участками раскопок. Экспедиция была большая: много киевлян, москвичей, одесские студенты, из Ленинграда были только мы. Вечерами собирались у костра, каждая компания удивляла чем-то своим. Некоторые песни перекочевали к Олегу оттуда, например, такая бомба как «История одной одесской свадьбы». А что-то ребята сочиняли прямо на ходу. В тот год на все лады импровизировали под итальянскую серенаду «уно-уно-уно ун монументо..!»: «Исаако экспедито скрупулезно со-

бирато, подбирато кандидато, чтоб не было плоховато, рано-ранто экспедито вылезанто из палато, белло домо посещанто, материто аспиранто...».

Ездили в Одессу в археологический музей, гуляли по улицам, заглядывали в Гамбринус. Олег хотел познакомиться с А. В. Гудковой. Она приняла нас и долго беседовала с четверокурсником Шаровым о памятниках римского времени в Северо-Западном Причерноморье. В первые же две недели мы лихо потратили все свои запасы и дальше жили под строгим контролем и руководством Андрюхи-Финна: варили ведро абрикосового джема из опавших жерделей и довольно быстро с ним расправлялись прямо ложками из ведра.

Женитьба

Пожились мы 4 марта 1984 года, Олег заканчивал университет, я уже работала. На меня явно повлиял совет уважаемого мною взрослого человека, увидевшего Олега мельком пару лет назад. В 1981 или 82 г. мы отмечали Старый Новый год по традиции у меня большой компанией психологов и археологов. В это время я много общалась с Александром Житинским, и он тоже присоединился к нам. Посмотрев на всех, послушав, как Олег поет, он зачем-то меня вызвал в коридор и сказал: «Вот за того выходи, с гитарой». Я только фыркнула тогда, потому что пока не собиралась, но явно не забыла.

Мои родители считали, что человек, который работает хорошо и увлеченно, — хороший человек, а если еще и бесребренник — совсем крутой! По этому критерию в экспедиции сразу видно было, что свой. И когда пел, то прямо душу свою выпевал, очень искренне. Вне этих двух состояний — видно было, что, как и все мы, — с недостатками и достоинствами, которые проявляются постепенно, поживешь — узнаешь. Когда Олег пришел свататься к моим маме и бабушке, он потряс знакомых, которые были в гостях: почему-то выяснилось, что он знает цены в магазине на макароны и сахар. Решили, что это редкий мужчина, наверное, основательный. Сомнения в этом у меня были, но в любом случае нам оказались нужны дальнейшие девятнадцать совместных лет.

Дома он, конечно, ожидал от женского состава более правильного ведения хозяйства, и думаю, что разочаровывался постоянно, что этого не может быть, как надо... Временами мрачнел или посмеивался. Вот соседка тетя Зоя его понимала и поддерживала и угощениями, и репликами из домостроя.

Когда мы куда-то ехали в поезде, он становился сразу другим, очень ответственным, всю заботу брал на себя. Я спросила: «Почему так? Почему ты дома совсем не такой?» Он ответил: «Не знаю, но я чувствую, что в экспедиции моя настоящая жизнь, а дома будто временная». В экспедициях Олег, действительно, как вспоминают многие, создавал семейную атмосферу со всем запасом своей любви и заботы о людях, с которыми он работал, это всегда ощущал исключительно своей ответственностью. Сейчас кажется, что это было правильно, он и здесь сумел убедить, что был прав: так и для этого был создан, для такой семьи.

В нашей семье

Переехал к нам он с огромной подушкой от любимой бабушки Дуни и большим количеством книг. Это сразу вызвало понимание — «наш человек». В семье, где три поколения подряд начинали свою трудовую биографию в библиотеках, было важно видеть, как заботливо и уважительно он устроил книжки. Ему тогда хотелось узнать все сразу и во все стороны. Там было много, например, о балете и кино, любимая художественная литература, от которой в те годы — восьмидесятые — уже начинали разбегаться глаза, все очень хотелось. Любимая классика, которую привез из Йошкар-Олы, — Гончарова «Обрыв», «Тиль Уленшпигель», один из романов Гамсахурдии. Мы с ним читали с наслаждением лучшую прозу, издававшуюся в 70—80-е, и самиздат, Окуджаву, Конечного, Житинского, Довлатова etc. Иногда вслух, перехватывая друг у друга повести и рассказы Валерия Попова, когда один уже не мог совсем от смеха произнести ни слова, только размазывал слезы по лицу. Долго собирали и наслаждались винилом, очень разной музыкой. Бардов Олег слушал больше, чем джаз, джаз — больше, чем рок. Особо всегда стояли Гребенщиков и Армстронг. Одно из первых Сашиных слов, которое мы долго не могли разобрать, было «Навуходоармстронг».

В коммуналке

В нашей квартире на проспекте Обуховской Обороны, кроме нас, было еще три семьи. В каждой — либо кто-то сидел, либо уже вышел. Отношения были разные. Одного соседа я боялась, он вел себя отвратительно. Когда Олег уезжал, то распоясывался в конец, орал, любил поиграть ножом, скатывался в «белку» постепенно, а когда Олег был дома — сама скромность. Как-то повод

1984 г.

нашелся, и Олег зашел к нему ночью предложить выключить громкое радио и перестать орать. Выйдя оттуда, он сказал: «Понимаешь, я зашел, взял его за шиворот, и он пукнул. Мне так и противно, и жалко его стало — ну что с ним дальше делать...» И опять уехал в свою археологию. Там, по крайней мере было яснее, что нужно делать. А здесь вообще не понятно, как изменить что-то в лучшую сторону. Он встал на кооперативную очередь, но она была на долгие годы, без перспектив.

Я не помню, чтобы он когда-то рассказывал про драки, он совсем не любил драться и угрожать. Хотя вид часто бывал грозный, предпочитал договариваться или делать по-своему. Он и сам знал, что недовольного вида часто достаточно. На вопрос, так ли было всегда, ответил: «Знаешь, я крупный был, ко мне не приставали». Зато фильмы с драками как раз обожал. Из телевизора над кроватью маленького Саши неслись дикие вопли, и мне казалось, что лучше бы что-то потише, но Олег ничего ужасного в этом не видел и смеялся как ребенок. Уже в больнице, собирая силы, он попросил прислать ему «Астерикс и Обеликс», жалуюсь, что интеллектуальное сейчас не заходит.

По-моему, все, кто его знал, связывали с ним надежду на перемены к лучшему. Иногда он мог обещать непосильное и невыполнимое, потому что сам очень хотел и ис-

кренне верил. Добивался того, что было реально, старался — большего.

Дети росли, болели, учились, знали, что у них есть героический любимый папа, и всегда ждали его с надеждой. Я про них писать не буду, они сами когда-нибудь напишут, надеюсь, про отца.

Отдельную квартиру мы получили по болезни сына, благодаря трехлетнему мотанию по чиновничьим коридорам. Это казалось и было, конечно, чудом, без единой копейки. Ни Олег, ни мама не верили в успех, но это получилось! Началась наша новая жизнь в новом пространстве, но долго еще оно не осознавалось как свое.

Армия

Особая и отдельная эпоха — жизнь в армии. Еще когда он был на сборах, я приехала его навестить на присягу, наверное. Помню свой испуг, когда увидела так много людей в форме и они все мне показались одинаковыми, стало страшно, что я его не узнаю. Он, к счастью меня увидел сам. Как стал подходить — по походке, ясно, узнала, такое не спутаешь. Лицо суровое, напряженное, чужое. И я понимаю, что он стесняется! Я была поражена, мне тоже неловко как-то стало и жалко его. Когда забрали в армию младшим лейтенантом в артиллерийскую часть в Выборг, он вызвал меня показать, как там живут офицеры. Привел в ресторан привокзальный вечером, показал, как они напиваются, спросил, ну как? Мы решили, что я перееду к нему в поселок Гвардейский, так будет легче. Друзья дразнили декабристкой, потому что я тогда начинала работать на факультете, и непонятно было, как можно сменить это на поселковую библиотеку. Но мне-то был ясен этот выбор. Постепенно я научилась различать лица и судьбы людей в форме. Там он не оброс большим количеством новых друзей. Появился один приятель-кадровый лейтенант, но быстро уехал в Афганистан, объяснив, что иначе здесь сопьется без всякого смысла, так и исчез, Олег потом не смог о нем что-либо узнать.

Жизнь офицерская была безрадостной, удерживались от пьянства немногие, и в основном, действительно, семейные люди. Самым тяжелым в армии для Олега была дедовщина. Мириться с этой системой он не мог, бороться тоже было бесполезно. Над ним смеялись старослужащие, на которых опирался офицерский состав. Олег говорил, что понимает, зачем все это нужно, периодически

Армия, 1985 г.

ски мне пытался объяснять, что с некоторыми солдатами по-другому, наверное, и не выйдет, но сам же не мирился с насилием и отчаивался, когда издевались наглые деды, а офицеры не поддерживали его. Всех их до сих пор помню по фамилиям. Там случались свои маленькие победы, которые были тогда очень важны для него, для его человеческого достоинства, которое подвергалось постоянному испытанию. В такие моменты я чувствовала, что действительно нужна там, для поддержки. К счастью его непосредственный командир был нормальным человеком.

Армию потом он практически не вспоминал. Зима 85 года показалась сверх-суровой, временами там подползало почти к 40°, даже дышать было трудно, пока идешь на работу, а вода промерзла полностью, было не набрать. Топили две печи одновременно: плиту и голландку, но к утру выстывало совсем. Все умения деревенской жизни тут пришлось освоить. Зато на второй год мы перебрались в Выборг на Крепостную улицу и жили рядом с замком. Однажды Олега ненадолго по-

ложили в больницу, это была радость, потому что он оттуда сбегал ловить рыбу в Монрепо, щуки попадались, он ведь вырос на Вятке и рыбачил с пеленок. В деревне Коврово его бабушка Наташа закладывала в тесто целую рыбину и пекла в печке. Такой пирог ели, не откусывая, а разбирая. Олегу очень понравилась карельская природа, и он сначала строил планы остаться здесь после армии. Думал работать у В. А. Тюленева, мне нашлось место психолога в детском театре. Потом вдруг резко передумал, объяснив, что будут дети (Аню мы уже ждали) и когда они вырастут, то им надо будет учиться все-р-ез, а здесь не та среда. Что-то ему не понравилось тогда, а я жалела потом не раз. После армии.

Кружок

Мы вернулись в нашу большую коммуналку, работы не было. Олег начал говорить: «Наверно, надо идти на завод, там деньги по крайней мере будут...» Это было невозможно слушать, он был очень мрачный и переставал верить, что сможет найти работу по специальности. Против завода я восстала всерьез. И вдруг появился кружок археологии в Доме пионеров Василеостровского района. Как-то без восторга, с большим сомнением он взялся за это, совершенно не чувствуя в себе педагогического призвания. И как ошибся! Это были его будущие первые ученики и друзья впоследствии на долгие годы. Он много рассказывал про ребят, ворчал на них дома часто, строгий был, а они его полюбили сразу, хоть и дали прозвище Олег Насилыч. Думаю, что именно эта работа и возродила его к жизни: с детьми, хоть и сложно, но энергия здоровая идет, если правильно к ним относишься. Он смог именно так, как им было надо. Было, помню, страшно, когда он повез их зимой в Крым с планом идти где-то с ночевками через перевал и пропал из связи надолго. Может быть это было и пару дней, но помню, как боялась и была счастлива, когда позвонил. Приехав, опять ворчал, что надо их воспитывать, а то не умеют преодолевать трудности, девочки крепче мальчишек... И так и начал возить их потом повсюду за собой в экспедиции. Никаких сантиментов, только любовь по-шаровски.

Про нашу жизнь

Вообще в первые десять лет брака, когда полевой сезон заканчивался и Олег возвра-

Экспедиция Херсонес, хора. 1991 г.
Выходной в Балаклаве с дочкой Аней.

щался домой, он мог взяться за любую работу. Понимал, что тяжело, но надо как-то кормить семью... В начале 90-х он как-то устроился грузить ночью хлеб в булочной, а когда Саша родился, то — убирать вечером в ресторане после закрытия. Он рассказывал, что там остается много еды, которую работники несут сумками домой, а ему стыдно. Из булочной как-то принес батон — не кондицию — на батоне был отчетливый отпечаток ботинка. «Можно помыть — говорит, — я решил, что это можно взять». Мы помыли и съели. А из ресторана так и не стали, ему там все было противно. Рассказывал про посетителей, про музыкантов со смехом, но когда я предложила с ним сходить помочь, категорически отказался: «Не надо тебе на все это смотреть, тем более убирать за ними!» Еще помню, как принес мне уже из нормальной столовой, зимой, тарелку гречневой каши, потому что гречи не было, были талоны, а очень хотелось. Нес почему-то прямо в руках перед собой, чуть ли ни со снегом пополам. Но это было круто.

Еще он любил дарить цветы, если покупал без повода, даже извинялся: «Прости, я не удержался». Денег он не жалел и не считал, они появлялись, и сразу их просто не было, и все. Много не продумывал, а чувствовал, что нужно. Одежду в магазине выби-

рал тщательно. Не часто наряжался, но выглядел всегда стильно, был какой-то внутренний образ себя, которому он следовал. Меня поражал момент, когда мы двигали мебель в комнате. Я пыталась все измерить, иногда рисовала и вырезала бумажки по размерам, чтобы все прикинуть. А он, не дожидаясь, брал шкаф и двигал, говоря: «Слишком долго, мне так легче померить».

В семейных беседах исторический контекст ему создавала моя мама — Кира Владимировна Кауфман — востоковед по образованию, иранистка, ученица А. А. Фреймана. Ей не довелось состояться в своей специальности, о чем Олег часто горько сожалел, зная и ценя ее первые научные работы. Но среда востоковедов была ей близка по-прежнему. Это и годы учебы в университете с В. А. Лифшицем, И. М. Оранским, И. М. Дьяконовым, А. Д. Столяром, и личная долгая дружба с некоторыми из них. Они с Олегом очень радовались, находя общие темы. Тещу любил, уважал и подсмеивался одновременно, она не обижалась, была готова выполнить любую его просьбу. Впрочем, большинство женщин так на него реагировали. Шарм, моментальное чувство доверия и интерес — в самом сложном контакте он мог договориться обо всем.

С мужчинами часто договаривался известным в России способом. «Посидеть надо обязательно!» Довольно быстро я с отчаяньем поняла, что это неизбежно. Это часть делового общения и огромная беда для здоровья, но по-другому не будет. Надо сказать, что способность оставаться трезвым и уходить на своих ногах там, где других уже надо было уносить, оставалась очень долго. Это мало утешало домашних, но остальным казалось достоинством. В памяти у всех Шаров и застолий, также как он же и песни, душа компании.

Конечно, про «посидеть», каждому есть, что вспомнить. Эти минуты или часы были для него, может быть, главными в жизни, так же как любимая работа. Нарушать его сценарий было кощунственно, как ребенка обидеть, это же — уют, тепло, радость от общения, здесь он делился с другими всем, что наполняло жизнь. Завораживал рассказами. Не всегда слушал, но с годами, наверное, больше и глубже.

В особо сложных случаях, где было сложно договориться, а это связано с самыми близкими, женами, например, — он сбегал в поля. Ну конечно не сбегал, а просто освобождался для жизни своей археологической, полевой, научной, родной, настоящей. Мне он как-

Аня и Саша встречают папу, 1997 г.

то сказал, когда мы ссорились из-за домашних сложностей: «Ты вообще не представляешь, кто я такой, как много делаю и как меня уважают!» Я это прекрасно понимала, что нельзя удерживать и нужно справляться самой, семья-то необычная. В детстве, когда меня спрашивали, кем я буду, когда вырасту, я с уверенностью говорила — буду цыганкой! Люди смеялись, и когда я поняла над чем, то решила: раз это невозможно, то выйду замуж за цыгана. По Бессарабии мне не удалось покататься, с Сашей уже трудновато получалось, и вообще ездила с Олегом редко, не так, как ему хотелось. Все же у меня была своя, совсем далекая от полевой жизни специальность. Но задачу супружескую видела очень простой: чтобы у него был дом, место, куда он может вернуться и где его любят и ждут. Я запомнила его просьбу: «Думай обо мне хорошо, пожалуйста». Необычная такая просьба, но до чего же непостоянная иногда и до чего верная! Ссорились — мирились, учили многому друг друга, скучали, радовались и по кругу... А когда поняли, что уже не вместе, а только иногда рядом, то расстались, и правильно сделали.

С сыном Сашей, январь 2001 г.

Какой был в поездках

Три раза мы путешествовали вместе. Первый — романтическое свадебное путешествие в Юрмалу, второй — как можно дальше и дольше в отпуск в Среднюю Азию, потому что в армии дни дороги не засчитывались, третий — автостопом в Киев за 3 дня, переночевали в Гидропарке в палатке и обратно, с заездом в Чернигов к Мултанену. В любой поездке, он был в своей тарелке, очень заботился, быстро ориентировался, уверенно принимал решения, но иногда что-то шло не так, и это его обескураживало и бесило.

Помню, как в Москве, закупившись мясом и колбасой, мы отправились ночью в Йошкар-Олу на поезде «Москва-Казань». Через 3 часа случайно узнали, что по маршруту Йошкар-Олы не будет. Как это вышло?! Его возмущению не было предела. Он бегал по разным окошкам узловой станции, потом Казанского вокзала и ругался, а я сидела всю ночь с тающим мясом и беседовала с собаками. Тогда собаки могли спокойно заходить в зал ожидания, и они тоже волновались, чуя запах. Мож-

но было не сомневаться в его способности убедить любого в своей правоте, билеты были заменены. Мы доехали к родителям, погостили денек и отправились в город Волжск, познакомить меня с семьей дяди Олега и Волгу показать. Олег не был там лет 10 и очень удивлялся, как все изменилось. Пришли по адресу, а дома нет. Улица типа Ленина, как водится. Он стал пробовать разные комбинации номеров дома и квартиры, мы безрезультатно зашли в 2—3 места. Потом ему пришла в голову блестящая мысль: тетя Клава — большой начальник в аптечной сети, нужно в любой аптеке спросить и подскажут и телефон ее, и адрес! Так и сделали. Но имя тети никак не отозвалось у провизора. Мы пошли к выходу, но что-то меня остановило, чтобы спросить: «Простите, а какой это город?». Оказалось — Зеленодольск. Меня смех душил. Олег страшно расстроился и опять негодовал. Родственники волновались и недоумевали...

Семья и свобода

Как только солнышко поворачивало на весну, мы понимали, что снова надолго останемся без него. По его состоянию можно было измерять природные циклы, будто пробуждался инстинкт. Для меня в нем воплощалась идея вольности и свободы семейной жизни, которой я сама не обладала. Иногда до такой степени, что могло быть очень больно. Но тут уж либо-либо. Если ему надо было уезжать, он уезжал, каковы бы ни были обстоятельства. И это надо было принять, такова натура. Его настоящая жизнь — не дом, не семья — без ограничений и рамок. При этом поддержка дома и семьи все равно очень важна этому человеку. На нее требовались силы. Радость накануне его приезда всегда была, и надежда, что будет что-то хорошее совместное, но и напряжение: весь ритм привычной жизни полностью исчезал. А когда уезжал — очень грустно, скучали, трудно было расставаться, начинали ждать.

Конец

Боюсь, что начало медленной гибели было давно им отчасти осознано, уверена, что в чем-то он был готов. Конечно, не знал, как и когда, и надеялся, но. Научкой и полем, встречами и застольем спасался и отодвигал конец. Что здоровья не поправить, видел, кардинально же меняться, без потери главного, не мог. За последние годы он не раз и сам отчаивался и пугал близких опасными состояниями, тяже-

ло перебаливая. Но, чуть вынырнув, двигался дальше, упорно игнорируя все зашкаливающие сигналы организма. Близкие это видели, другие, может, и не замечали, а может, смирились, как я когда-то. Хор с воодушевлением всегда подхватывал: «Но, как и прежде, аккуратно...», и он был счастлив в этот момент. Борьбаться всерьез за его здоровье, видимо, пыталась только одна Татьяна (Татьяна Анатольевна Самарина, вторая жена Олега) вместе с докторами, и немного дети, если оказывались в экспедиции рядом, через его яростное сопротивление, которое не оставляло возможности помочь полноценно.

В последние две недели сражался за жизнь до последнего. Просьбам и постам последних дней неизбежно — уже после — особое внимание. В больнице собирал энергию всем, чем мог: работой, перепиской, молитвой, с персоналом сражался, Обеликса вспоминал. Перепостил статью Тамары Жегловой в защиту Охтинского мыса с комментарием «полностью поддерживаю, каждое слово». Это про отношение к борьбе за историю и культуру. Сложная ситуация с Херсонесом, думаю, немало его здоровья забрала, уверена, что он делал все, что мог.

20-го ноября вечером написал: «Спасибо ищущим силы почти кончились».

Мы подарили друг другу долгую часть своей жизни и яркую, конечно, потому что это была молодость. Все тяготы и лишения в конечном итоге прошли, а добрая память осталась и живет во мне и детях. Слава Богу, что сумели проститься и поблагодарить друг друга!

Как жаль, что нет возможности услышать разом всех, кто его знал. Даже близкие могут не знать, со сколькими людьми Олег был знаком и дружен, со своей стремительностью и охватом. Невозможно ограничиться кругом друзей и коллег любого из периодов его жизни, и решить, что все сказано. Это будет не про него. Он нес и вбирал, как-то устраивал внутри своего объема, противоположное — и это особый талант! Мне кажется, что он был рожден, чтобы объединять людей. О противоречивости человеческой натуры, включая себя, в последние годы размышлял, а людей любил, самых разных. И внутри у всех этих разных людей больно перевернулось что-то, когда его не стало. Провожали его все вместе, он собрал людей с, казалось бы, несовместимыми позициями. И будто уверенно обещал каждому: мы с тобой это обязательно сделаем, и это будет хорошо!

Значит, есть что-то настоящее, больше разноголосиц, и это — про него.